

Линь во второй раз за день вышел из допросной и с силой захлопнул за собой дверь.

— М-да, — протянул Аллет.

— У него плохое настроение, — заметил Фельдграу.

Птицелюд и лисолюд, стоявшие у двери, переглянулись. Несмотря на то, что сам Фельдграу был подавлен смертью директора Листчеса, он всё же улыбнулся Аллету и даже без слов сумел снять с того часть напряжения.

Аллет тут же оживился: для него это, как-никак, стало событием. Пусть он пришёл в центральное отделение Инквизиции на год раньше Линя, его собственное общение с верховным инквизитором ограничивалось сухим приветствием.

А Линь... не только снискал расположение Фельдграу, но и удостоился того, что тот пришёл встречать его прямо у допросной!

Зависть кольнула Аллета, в то время как Фельдграу уже шагнул вперёд и заботливо спросил Линя:

— Как ты?

— Очень плохо, — отрезал тот.

У Аллета по спине пробежал холодок. В прошлом, стоило Линю таким тоном заговорить с ним, как вскоре на его голову непременно сыпались неприятности.

— Смеют поливать меня грязью... и уже дважды... — Линь стиснул зубы, на его лице лежала тень ярости.

Он сжал кулак и произнёс:

— Я убью его.

Эти слова нарушали правила инквизиторов, но двое свидетелей отреагировали по-разному: один отвёл лицо и кашлянул, другой в ужасе отшатнулся назад, опасаясь попасть под горячую руку.

«Зачем я вообще пришёл его поддержать?.. — мелькнула у Аллета мысль. — Ему-то утешение точно не нужно. Да и зачем я должен его утешать?»

Линь глубоко вдохнул и заставил себя приглушить гнев. Сначала он повернулся к Фельдграу:

— Верховный инквизитор, спасибо, что свидетельствовали за меня.

Он прекрасно знал, что если начальник говорил «возьму ответственность на себя», то это означало, действительно возьмёт, без малейшего уклонения. После смерти директора Листчеса именно Фельдграу поспешил объяснить инспектору внутреннего надзора, что Линь действовал по его поручению. Без этого защита Линя выглядела бы куда слабее, и он вряд ли так быстро вышел бы из допросной.

Линь даже испытал угрызения совести: он самоуверенно взялся за расследование, не получил ещё ни одного результата, а уже вынудил верховного инквизитора прикладывать усилия ради его спасения.

Эта мысль лишь увеличила его ненависть к предателю.

— Не стоит благодарности, — Фельдграу не стал упоминать при Аллете о расследовании, только сказал: — Директор Листчес пал жертвой проклятия. Ты видел его смерть вблизи, так что будь осторожен — возможно, проклятие задело и тебя.

— Понимаю, — кивнул Линь. — Мне нужно снова зайти в кабинет директора, поискать дополнительные улики. А потом я отправлюсь в комнату очищения.

Сказав это, он посмотрел на Аллета:

— Прими мои соболезнования в связи с кончиной директора Листчеса.

Аллет, впервые услышавший от Линя подобные мягкие слова, был ошарашен. Он пробормотал:

— ...Спасибо?

— Я ведь находился в офисе и всё равно не смог помешать, — продолжил Линь. — Если бы я заметил неладное сразу, возможно, успел бы спасти директора. Мне очень жаль.

«Но даже если бы он догадался на десяток секунд раньше, яд проклятия вряд ли дал бы шанса на спасение...»

Аллет не был из тех, кто винил других без разбора. Он понимал: если бы Линь не вошёл в тот момент в кабинет, они — сидевшие снаружи — могли бы обнаружить тело только спустя десятки минут, а то и часы. И тогда бы все следы проклятия окончательно рассеялись, а расследование с самого начала оказалось бы без улик.

Именно поэтому Аллет пришёл ждать Линя у допросной. Но поблагодарить его в лицо он так и не смог — только фыркнул и произнёс:

— Это не твоя вина.

— Ошибаешься. Это, безусловно, и моя вина, — холодно возразил Линь. — Время не ждёт. Верховный инквизитор, я возвращаюсь в кабинет директора.

— Полностью полагаюсь на тебя, — с искренностью ответил Фельдграу.

В конце коридора его уже ждал секретарь Ловветро. Фельдграу быстро подошёл к нему, и вскоре они оба скрылись из виду.

Убийство проклятием прямо в стенах центрального отделения Инквизиции было делом чудовищно опасным и позорным. Очевидно, что Фельдграу выудил для себя лишь минуту, чтобы навестить Линя, и это внимание заметно смягчило его ярость.

«Что за прекрасный начальник, — с чувством подумал он. — Я должен отплатить ему работой».

— Как обстановка в отделе? — спросил Линь у Аллета.

— А как ты думаешь? — тот фыркнул. — Пусть меня не таскают в допросную, как тебя, но всех опрашивают и проверяют. Мой дядя, такой большой человек — и прямо в двадцати-тридцати метрах от них погиб от проклятия, никто ничего не заметил. Бесполезные...

— Ты, юный господин, кажется, забыл включить себя в их число. Ты ведь тоже ничего не заметил.

— Я... я в тот момент думал о твоей чуши! — всполошился Аллет.

— Угу. Угу, — рассеянно отозвался Линь.

Они вернулись в кабинет ритуального подразделения на первом этаже второго сектора. Обычные сотрудники уже были оттуда эвакуированы, а вместо них теперь трудились служители «археологи» — последователи Инеевого Звоноврана.

Данный Божественный Столп являлся одновременно и богом смерти, владыкой душ, и покровителем художников, летописцем истории. Некоторые его последователи обладали талантом понимать произошедшее по следам прошлого. Многие из них находили призвание в археологии, но если они шли в Инквизицию, то их работа сводилась к восстановлению картины смерти на месте преступления.

Они обычно владели ещё и навыками вскрытия — пусть и не столь глубокими, как у похоронщиков, но вполне достаточными.

Линь под предлогом того, что хотел ещё раз осмотреть место происшествия и попытаться восстановить в памяти детали, попросил разрешения войти. После короткого совещания археологи согласились, но Аллета, не сумевшего придумать убедительный предлог, остановили у двери.

Линь надел бахилы, а перчатки он и так носил всё время — как и форменное пальто, они входили в стандартное снаряжение инквизитора.

Один из археологов пошёл за ним. Линь не задержался во внешнем кабинете, а сразу направился к внутреннему.

Перед дверью стоял обмотанный бинтами с головы до ног... нет, не мумия, а служитель Мастера Адгезии, запечататель.

Имя этого Божественного Столпа звучало слишком уж обыденно, но, в отличие от прочих богов, чьи силы тесно переплетались с жизнью подземных горожан, сам Мастер Адгезии и его служители встречались нечасто.

Бог печатей и запираания, он держал в узде множество опасных предметов, не позволяя им вырваться в мир обывателей. Если служителей Близнецов Диссонанса ещё можно было встретить в армии, то последователи Мастера Адгезии, кроме собственного храма, появлялись только в Инквизиции.

Запечататель у двери внутреннего кабинета удерживал границу, не давая ауре проклятья рассеяться. Археолог, шедший с Линем, кивнул ему, и тот снял с косяка полоску ленты, пропустив их внутрь.

Стоило им войти, как он снова закрыл дверь, восстанавливая преграду.

В кабинете трудились двое археологов. Они подняли головы, Линь поздоровался и объяснил цель визита. Те больше не вмешивались, позволяя ему пройти к столу, где проклятие концентрировалось сильнее всего.

Они доверяли коллеге: если бы Линь собрался сделать что-то лишнее, сопровождающий археолог сразу бы вмешался.

Тела директора Листчеса уже не было.

Но Линь прекрасно помнил, как тот распух и изрыгнул наружу все внутренности, помнил хлынувший кровавый поток. Теперь эта густая тягучая масса засохла на столе, кресле и ковре.

Почти чёрные разводы, казалось, источали зловещий пар.

«Кровь, в которой застыло проклятие... Если бы её собрали до засыхания, она стала бы дорогим ритуальным материалом, — машинально отметил Линь, осторожно обходя пятна и вспоминая последние мгновения директора. — Какая жалость. Если бы я вошёл чуть раньше...»

Нет, распознать следы проклятия он всё равно бы не смог — Листчес был куда опытнее, и то ничего не заметил. Но хотя бы с помощью зеркала Линь мог бы уловить его истинные эмоции при разговоре, получить показания... Возможно, найти причину, почему тот стал жертвой.

Хотя не стоило сразу предполагать, что это являлось «зачисткой». Вдруг речь шла о личной мести? Пусть время и выглядело подозрительным, всё же вероятность существовала.

Ритуалист встал у погасшего компьютера. Капли крови запеклись на матовой рамке дисплея. Он коснулся чёрного экрана и замер.

В тёмной глади проявилось морщинистое лицо директора Листчеса.

Холодок пробежал по позвоночнику Линя и, подобно пауку, взобрался к затылку. Волосы на его голове встали дыбом. Он машинально обернулся в ту сторону, куда был обращён экран.

Пусто. На кресле, измазанном кровью, никто не сидел.

— Что случилось? — археолог подошёл ближе.

— Аура проклятия... жутковата, — ответил Линь и, мельком взглянув на коллегу, убедился: тот тоже видел монитор, но никак не среагировал на лицо.

Линь убрал руку, и изображение исчезло.

«Значит...»

Это походило на те тени, что отражались в зеркале. Интуиция подсказала: он мог перелистывать их, словно книгу.

Он снова коснулся дисплея. На чёрном стекле кадры прошлого пошли вспять. Он увидел, как кровь возвращается в рот директора, внутренности ввинчиваются назад, глаза встают на место, и тот вновь сидит перед компьютером.

А затем в зеркале показался сам Линь, который пятился и уходил прочь.

До его прихода старый лисолод неподвижно сидел, как в забытьи. Вероятно, спал.

Плѐнка перемоталась дальше: вдруг чья-то рука опустила директора в кресло.

Конечно, в обратной перемотке это выглядело как рука, вытягивающая его из кресла.

Казалось бы, ничего странного... если бы не лицо хозяина этой руки.

На дисплее оно оказалось точь-в-точь таким же, как у Листчеса Азари.

<http://bllate.org/book/12612/1119961>